

ГЛАВА 1

В пятницу Вера вернулась домой раньше обычного и открыла дверь своим ключом. Пришла как раз вовремя, чтобы застать своего мужа Марата и соседку Аську в самой недвусмысленной позе. Так они втроем и застыли: Вера с ключами в руке у входной двери, Марат на диване и полуголая Аська на Марате.

Муж молчал. А что тут скажешь?

Вера тоже не сумела выдать ни слова. Прямо в обуви прошла на кухню, захлопнула за собой дверь, швырнула на стол сумку и упала на табурет возле окна. Сердце колотилось, не давая вздохнуть, в голове гудело, ладони были ледяные и влажные. Хотелось выскочить из дома и убежать куда подальше. Но она не могла. Не было сил.

Вдобавок в коридоре мыла полы соседка — Лидия Адольфовна, которая почему-то недолюбливала Веру и к тому же обожала почесать языком. Если она сейчас выбежит из квартиры, соседка сразу сообразит — что-то неладно, и немедленно разнесет новость по всему дому. Только пересудов сейчас и не хватало.

Хотя в их доме и без стараний Лидии Адольфовны трудно скрыть что-либо. Малосемейка, построен-

АЛЬБИНА НУРИ

ная в семидесятые, с лязгающим, вечно ломающимся лифтом, длинными темными коридорами и дверями по обе стороны. Жить здесь — как в аквариуме, на виду у соседей. Ругаться, мириться, любить и ненавидеть нужно как можно тише, чтобы не информировать невольных зрителей и слушателей о подробностях личной жизни.

К сожалению, это мало кому удавалось. Железные двери, которые ставили некоторые жильцы в надежде спрятаться от чужих глаз, не спасали: стены-то все равно картонные.

Квартирки в доме имелись только однокомнатные, но зато двух видов — большие и маленькие. Те, кому повезло жить в «больших», шикавали на шестнадцати квадратах. Прочие, в том числе Вера с Маратом, довольствовались одиннадцатью. Плюс кухня, коридор в виде крохотного пяточка и совмещенный санузел.

Квартира просматривалась сразу и навывлет. У Веры просто не было шансов не заметить своего неверного мужа с Аськой. Вошел в квартиру, не слишком широко шагнул вперед — уперся носом в перегородку между кухней и комнатой, а плечом — в дверь туалета с ванной. Повел глазами влево — кухня, вправо — комната. Вот и все хоромы.

Но и этому жилищу они с Маратом радовались — свое, не съемное! Мечтали о большем, строили планы по расширению. И продолжали бы мечтать, строить и радоваться, если бы не сегодняшняя сцена. Нелепая случайность, из которых, если подумать, и состоит жизнь.

Отмеченная судьбой

Сегодня в библиотеке, где работала Вера, закончилась проверка фонда. Длилась она всю неделю и, слава богу, осталась позади. За эти дни библиотекари вымотались до предела, застревали на работе сверхурочно на два, а то и три часа. Но кто эти часы считает? Заплатят обычный минимум, даже премии не жди.

Однако о грустном не думалось.

Во-первых, по случаю завершения проверки сотрудников отпустили пораньше. Вера спешила с работы с мыслями, что скоро должен вернуться Марат. Можно сходить куда-нибудь. Или просто посидеть вдвоем дома, расслабиться, выпить вина, скачать из Интернета какой-нибудь фильм...

Во-вторых, с понедельника у нее начинался отпуск. Муж тоже взял две недели, они мечтали рвануть к морю.

В-третьих, в потайном карманчике сумки лежали немалые деньги. Восемнадцать с лишним тысяч отпускных, да еще Аня долг отдала, а ведь держала без малого год. Итого двадцать восемь — огромная сумма по меркам Веры.

Жизнь была прекрасна и удивительна. Самая лучшая, самая светлая пора — конец весны, начало лета. Выходя из лифта, Вера улыбалась в предвкушении приятного вечера. Кто ж знал, *что* ее ожидало дома!

Она сидела на табурете и смотрела перед собой невидящим взглядом. Хотелось плакать, но почему-то не получалось. За закрытой дверью в комнате слышались возня и нервные перешептывания. Один раз

АЛЬБИНА НУРИ

что-то с глухим стуком упало, Марат споткнулся о ножку дивана и громко чертыхнулся. Наконец дверь за Аськой захлопнулась.

Марат зачем-то метнулся в ванную, включил воду, через минуту выключил и снова вернулся в коридор. Потоптавшись в прихожей, видимо, сообразил, что Вера отлично видит его через прозрачную кухонную дверь, и вошел.

— Вер... Как-то глупо все...

Он мучился, оттого что не знал, как выбраться из неприятной ситуации. Ждать, когда муж сформулирует свою мысль, Вера не стала. Рывком поднялась со стула и шагнула к двери, оттеснив Марата в сторону.

На миг в большом зеркале прихожей мелькнуло их общее отражение.

Супругам часто говорили, что они похожи, как брат с сестрой: темноволосые, темноглазые, худощавые и тонкокостные, почти одного роста — Вере до метра семидесяти не хватало трех сантиметров, а Марат на сантиметр перерос этот рубеж.

— Вер, — опять затынул муж, пряча глаза, — ты же знаешь, как я к тебе отношусь...

Она, не оборачиваясь, бросила:

— Да, Марат, теперь точно знаю, — вышла из квартиры и пошла по коридору к лифту.

Справа открылась коричневая дверь, пахнуло густым ароматом мясного варева. В этой квартире проживала «тихая» таджикская семья из двенадцати человек. Интересно, как они там помещаются, всегда

Отмеченная судьбой

недоумевала Вера. Может, спят и едят по очереди? Сейчас из квартиры дружным роем выкатывались один за другим разнокалиберные дети от трех до шестнадцати, круглоголовые, черноволосые, черноглазые и горластые. Самого маленького мать несла на руках. Вся эта гвардия вознамерилась забраться в лифт, так что Вера сочла за лучшее спуститься по лестнице.

Она быстро шла вниз. Один пролет, другой, третий... Нельзя сказать, что поступок Марата разрушил ее идеалы и попрам веру в людей. Конечно, Вера продолжала, несмотря на близость тридцатилетия, верить в любовь. И считала, что любит своего мужа, пусть не так пылко и иступленно, как в романах, но все же достаточно, чтобы оставаться вместе и получать от этого удовольствие.

Однако прожив двадцать два года в общежитии швейников, потом два года мыкаясь по съемным квартирам, а последние три проведя в малосемейке на улице Северной, трудно удержать на носу розовые очки. Волей-неволей приходится замечать вещи, о которых не пишут в классической литературе.

Остается либо принять жизнь во всей ее красе и безобразии, либо решительно противопоставить себя ей. Вера не была ни идеалисткой, ни революционеркой, поэтому предпочла первое.

Умом она сознавала, что Марат, вероятно, погуливает на сторону, хотя особых поводов сомневаться в своей верности муж не давал. Так, кое-какие штришки и приметы, на основании которых, если

АЛЬБИНА НУРИ

очень постараться, можно сделать далеко идущие выводы. Но стараться и разоблачать Марата Вера не стремилась. Она наивно принимала тезис о полигамности мужчин, полагая, что против природы не пойдешь. И вместе с тем умудрялась вполне искренне верить, что Марат любит ее и они всегда будут вместе. Вот такая двойная философия! А мелкие интрижки, если они и есть (*может, ничего такого и нет!*), не навредят их отношениям.

У Веры не было других родственников, кроме мужа. И свое будущее она видела только совместным с Маратом: общий дом, общие дети. Поездки, интересы, желания, старость — все общее.

Его предательство, да еще такое явное, не оставляющее сомнений, не дающее даже крохотной надежды, что все неверно истолковано, выбило почву из-под ног. В глубине души она понимала, что жалеет о вскрывшейся правде. И презирала себя за малодушие.

Недавняя сцена поставила обоих в затруднительное положение. Теперь у Марата нет шансов половчее соврать, а у Веры не получится сделать вид, что ничего особенного не случилось. Больно, обидно и совершенно ясно, что жить, как раньше, не получится.

На первом этаже, проходя мимо почтовых ящиков, она заметила, что в их ящичке что-то белеет. Газет они не выписывали, писем не получали. Это не мог быть рекламный мусор: в остальных ящиках,

Отмеченная судьбой

большей частью не запертых, — пусто, а рекламу обычно раскладывают всем.

Вера, будто взломщик, попыталась открыть ящик без помощи ключа. Вскоре это получилось, и в руках у нее оказался официального вида конверт с письмом на имя Веры Владимировны Андреевой.

«Может, что-то выиграла?» — глупо подумала она.

Но в конверте оказалось совсем другое.

Администрация Владимирского района повторно уведомляла гражданку Андрееву о необходимости лично явиться и оформить необходимые документы для вступления в права собственности на землю и дом в деревне Корчи, а также оплатить сборы и долги в фонд сельского поселения.

Повторно — это потому, что пару лет назад Веру уже ставили в известность: со смертью бабушки по отцовской линии она является единственной наследницей имущества. Старик умер, не оставив завещания, и дочь его единственного (ныне покойного) сына наследовала все по закону.

Большого значения этому Вера тогда не придавала. Дело в том, что после смерти отца мать не общалась с родственниками мужа. Прервала всяческие контакты, даже на Новый год не поздравляла. А поскольку овдовела она, когда дочь была совсем крошкой, то ни бабушки, ни бабушки Вера никогда в глаза не видела.

Кроме того, мать буквально заклинала ее ничего от них не принимать, о наследстве забыть и в дерев-

АЛЬБИНА НУРИ

ню с дурацким названием Корчи не ездить. К тому же вскоре после получения письма о наследстве мама заболела и, промучившись несколько месяцев, умерла. Вере стало не до ненужного деревенского дома. И вот сейчас он напомнил о себе вновь.

— Веруня, привет! — окликнули ее.

Она обернулась и увидела подругу Свету, которая волокла за руку упирающуюся девчущку — трехлетнюю дочь Ксюшу.

Света была похожа на располневшую куклу Барби. В области талии, живота и бедер — многочисленные валики и складочки, бесстыдно подчеркнутые открытыми кофточками, топами в обтяг, облегающими платьями и брюками в облипочку, до которых подружка была большая охотница. Округлые белые плечи, блондинистые локоны, головка с кукольным личиком: огромные голубые глазищи, маленький носик, губки бантиком. От нее всегда крепко пахло сладковатыми духами, заказанными по каталогу «Эйвон». Их названия Вера никак не могла запомнить.

— Ты чего тут? Да отцепись от подоконника, Ксюш! Письмо получила?

— Привет, — рассеянно откликнулась Вера. — Да, получила.

— Нет, посмотрите на нее, а! Балбеска! Всю дорогу мозги выносила. Полдня из садика дойти не можем! То тут застрянет, то там. Встанет и стоит, как баран на новые ворота уставившись! — тараторила Светка. Но наткнулась взглядом на несчастное Верино лицо, нахмурилась и спросила:

Отмеченная судьбой

— А ты чего... такая?

— Какая?

— Не знаю... Тихая. Что случилось?

За три года знакомства Вера привязалась к Светлане. Это была простая, искренняя, независтливая и добрая девушка. Вся ее жизнь, подробности которой Свете и в голову не приходило скрывать, была у Веры как на ладони. Она знала, чем подруга лечит свои женские болячки, из-за чего ругается с мужем и сколько тот зарабатывает.

Сама Вера по натуре не склонна была откровенничать с людьми, но тоже частенько делилась со Светой горестями и радостями. Они нередко отмечали семьями праздники, ездили на пикники, забегали друг к дружке на чаек, ходили по магазинам. Вера охотно соглашалась посидеть с Ксюшкой, а охочая до рукоделия Света вязала им с Маратом шарфы, носки и варежки.

Сейчас подруга озабоченно смотрела на Веру, неподдельно волнуясь и пытаясь угадать, что произошло. От того, что есть на свете человек, которому небезразличны ее беды, защипало в глазах. Подступили слезы, которые никак не желали пролиться дома.

— Так, кое-что произошло, — Верин голос задрезжал и надломился, и, услышав эти жалкие звуки, она почувствовала себя такой несчастной и одинокой, что закрыла руками лицо и заплакала.

От неожиданности Ксюша перестала шалить, оторвала пухлые ладошки от подоконника и раскрыла рот, готовясь поддержать тетю Веру собственным

АЛЬБИНА НУРИ

ревом. Мать коротко глянула на дочь и легонько покачала головой. Ксюша реветь передумала, тихонько подошла поближе к матери и встала рядом. Светлана кинулась к подруге, обхватила ее за плечи и стала подталкивать к лифту, приговаривая:

— Вер, да что случилось? Что ты... Ну, ладно, все, все, тише.

— Не пойду я домой, — стала вырываться Вера. — Что ты меня тащишь!

— Ко мне пойдём, ко мне, Верочка! Тут люди кругом. А у меня... Мой в командировке, мы с Ксюшкой одни. Посидим, успокоишься. Пошли, пошли.

Вера поняла, что именно это ей сейчас и нужно: выплакаться, выговориться, выпить — самая лучшая психотерапия для нашего человека. Она позволила Свете увлечь себя к лифту. Тот приехал на удивление быстро и с кряхтением и скрипом повез маленькую компанию на восьмой этаж.

ГЛАВА 2

Через полтора часа подруги сидели на бело-голубой Светланиной кухне. В прошлом году Марат помогал ее мужу Витьку с ремонтом, они вдвоем ничуть не хуже бригады приезжих умельцев побелили потолок, наклеили обои и постелили линолеум. А Света и Вера, взяв Ксюшку на прицеп, тем временем носились по магазинам, дотошно выбирая мелочи: занавески, светильники, клеенку, посуду и разделочные доски в тон.

Отмеченная судьбой

Ксюша самолично приобрела перечницу и солонку в виде белой кошки с котенком, и теперь фарфоровое кошачье семейство сидело на столе и равнодушно взирало круглыми нарисованными глазами на Верино несчастье.

За окном с голубыми занавесками клонился к закату день. Люди спешили по своим делам, тащили сумки с продуктами, парковали машины, ныряли в подъезды, чтобы не покидать квартир до завтрашнего дня, загоняли домой детей, которые упорно не желали покидать песочницы и качели. Жизнь продолжалась.

На столе перед подругами стояла тарелка с нарезанной неровными кружочками колбасой, селедка в пластиковой таре, сыр, картошка в большой миске, сладкие перцы вперемешку с огурцами, хлеб, деревенское сало на блюдечке. А еще томатный сок в пакете и на треть пустая бутылка водки. Накормленная Ксюша смотрела телевизор в комнате.

Подруги раскраснелись, Светку слегка повело. Вере же пережитое потрясение никак не давало опьянеть и расслабиться.

Загудел Верин мобильник.

— Во, опять он! — с набитым ртом констатировала Света.

— Угу, — подтвердила Вера, глянув на экран. — Не буду брать.

— Не бери, не бери. Пусть понервничает. Смотри-ка, запрыгал, козел! Вер, что...